

Мы начитаем новый цикл историко-экономических публикаций профессора Р. М. Гусейнова, посвященный взаимодействию и взаимовлиянию государства и экономики. Проблема эта настолько сложна, интересна и практически значима, что дискуссии вокруг нее начались еще с древнейших времен, собственно, с тех пор, как появилось государство.

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА: СВЕТ С ВОСТОКА

Всякое государство представляет собой своего рода общине, а всякое же общине организуется ради какого-либо блага.

Аристотель

Производственная деятельность человека появилась совсем недавно – всего каких-то десять – двенадцать тысяч лет назад. Из двух с половиной миллионов лет существования человека на земле!

С «момента» (если словом «момент» можно обозначать период в несколько тысяч лет) появления производящего хозяйства начал свой длительный путь развития институт государственности. Первые государства возникли именно там, где происходили революционные изменения в производительных силах и в экономической жизни вообще – в «речных цивилизациях» Древнего Востока. В широкой полосе, ограниченной примерно двадцатью и сорока градусами северной широты, появились очаги цивилизации, а вместе с ними и первые государственные образования.

В период «поголовного марксизма», мы вычитывали в учебниках тезис о том, что государство порождается классовым обществом, что государство – это аппарат насилия господствующего класса над классами подчиненными. И примеров тому в истории предостаточно. Особенно в истории европейской. Восточное государство значительно отличалось от европейского. Во-первых, восточное государство появилось, по крайней мере, на два тысячелетия раньше европейского. Во-вторых, и это самое поразительное, восточное государство появилось гораздо раньше, чем в обществе образовались классы. Тем более, классы в общепринятом (европейском) понимании в явном виде «просматриваются» на Востоке только в новое время. В-третьих, *спонтанное, эволюционное, естественноисторическое появление государства на Востоке связано с созидательными, хозяйственными функциями, имеющими весьма отдаленное отношение к проблеме собственности на средства производства. Разберемся!*

Географически зона «революции производителей» наиболее благоприятна для возникновения сельскохозяйственного производства. Здесь много солнца, тепла, воды, вегетативный период продолжается около восьми месяцев, следовательно, здесь с одного участка земли можно снимать два урожая

в год. Все так. Но, как всегда, достоинства превращаются в недостатки. Жаркий климат, частые засухи и – другая крайность – наводнения вследствие разлива рек или многодневных ливневых дождей объективно приводят к необходимости искусственного орошения и, соответственно, дренажно-осушительных работ. С тех пор как люди стали пользоваться металлическими орудиями труда, появилась и техническая возможность для строительства крупных и даже грандиозных ирригационных сооружений. Но для такого рода строительных работ в глубокой древности нужна была организация кооперации огромной массы простого труда. На уровне отдельных сельскохозяйственных соседских общин осуществить такого рода кооперацию труда было невозможно. Внутри крупных племенных объединений путем естественного отбора стали выделяться роды, способные выдвигать харизматических честолюбивых, умных, авторитетных лидеров, владеющих определенной суммой научно-технической информации, к тому же хороших воинов, смелых и рискованных, берущих на себя ответственность. Эти роды и становились царскими родами, а выдвинутые ими *меритократы*¹ – царями, князями, фараонами, восточными деспотами.

Почему именно деспотами? Потому что и сейчас порой бывает трудно внушить большим массам людей, что те или иные коллективные действия жизненно необходимы для них же. Помимо харизматического внушения и объективных доказательств приходится применять и силу, властные полномочия. И если массовые действия трудно организовать в современном обществе, то каково было в далекие времена, когда большесемейные, родовые, племенные, локально-географические (общинные, соседские) интересы преобладали над всеми остальными, а понятия «общественный интерес» в человеческом сознании просто не существовало. В этих условиях меритократический лидер, помимо прочего, должен был обладать внушительной вооруженной силой и мощным идеолого-религиозным обоснованием своих действий. Не зря ведь одновременно с ирригационными и другими инфраструктурными объектами древнего Востока появились грандиозные культовые сооружения, храмы, пирамиды, царские гробницы, архитектурная и эстетическая ценность которых остаются актуальными и в наши дни. Сакрализация, обожествление царя, князя, фараона – нормальное явление в древнем мире, и не только на Востоке. В свое время императоры Рима тоже использовали эту потребность людей обожествлять лидера. В новейшей истории это атавистическое явление можно было наблюдать в странах с коммунистическими режимами. Чего стоят мавзолеи и мумифицирование умерших!

Особенности восточной экономики были таковы, что в период революционных преобразований по определению не могло появиться частной собственности на землю (и воду, что на Востоке имело первостатейное значение): в сознании людей, живущих большими соседскими общинами и тяже-

¹ Меритократы – люди или группы людей, которые выделяются над средним уровнем локальных человеческих сообществ благодаря своим личным качествам, знаниям, мужеству, способности активизировать деятельность соплеменников или сограждан и вести их за собой во имя достижения каких-либо общественных целей.

лым совместным трудом выживающих в борьбе с силами природы, не могла зародиться идея о том, что главные божественные производительные силы могут присваиваться отдельными лицами. Разве только представителями богов на земле («помазанниками Божьими», как сказали бы позже христиане). А дальнейшая логика идеологических и политико-экономических событий ясна: представителем Бога на земле является царь, он же – олицетворение и даже синоним публичной власти, государства. Поэтому вся земля и вода находятся в собственности государства, то есть царя.

Царь организует массовые хозяйственные процессы, мобилизует необходимые для этого ресурсы, распределяет средства производства и людей по сферам деятельности, завоевывает новые пространства для жизнедеятельности людей, защищает уже завоеванную и освоенную территорию, устраивает периодически ритуальные празднества для трудящихся-общинников. В результате, *государство исполняет функции институционального менеджера.*

Но именно эта хозяйственная функция в условиях исторически обусловленного отсутствия гражданского сознания предполагает безусловное подчинение всех людей и всех общин воле и указаниям одного лидера – восточного деспота. *На Востоке авторитетность всегда перерастает в авторитарность.* Собственно у общинников не было выбора: или подчиняешься царю и в совместном труде с другими общинами выживешь, – или гибнешь под ударами природных стихий и многообразных внешних врагов.

В результате на Востоке появляется весьма консервативная, сохранившаяся до наших дней *система огосударствленных общин*, которая и определяет социально-экономическое содержание древневосточных деспотий.

Естественно, что восточное общество не было однородным, гомогенным. Но различия между слоями, стратами восточного общества не могли быть классовыми, потому что члены этого общества не различались по своему отношению ни к собственности, ни к способам получения дохода. Единственным собственником базовых средств производства, земли и воды, было государство в лице восточного деспота. А доходы всех членов общества определялись *раздачами* верховного правителя по его усмотрению в зависимости от заслуг перед государством. Конечно, за особые заслуги царь мог награждать особо отличившегося воина или чиновника земельным участком или иной частицей государственного достояния в виде безусловной наследуемой частной собственности. Но это было скорее исключением, чем правилом. Все земледельцы и землевладельцы считались всего лишь пользователями земли или доходов с нее, высшим сакральным и безусловным собственником же оставался верховный правитель, царь, деспот.

Слова «частный собственник» применимо к восточной экономике с большими оговорками. Человек в древневосточных деспотиях становится частным владельцем земли, если причастен к власти, является членом правящей элиты; получает собственность от власти за особые заслуги; беспрекословно служит власти. И дело здесь не в размере земельного владения. И общинная земля, и земля отдельной семьи, и княжеский удел, по территории равный некоторым современным европейским государствам – все эти зе-

мельные владения могли принадлежать частным лицам, семьям и общинам только при соблюдении одного из трех условий.

В восточных обществах, в результате, формировалась не классовая, а сословно-кастовая система. То есть социальные страты формировались в зависимости от хозяйственных или государственных функций их членов, а не в зависимости от отношения к собственности.

Основной массой исполнителей «царских работ», имеющих общегосударственное значение, были «свободные» общинники. Слово «свободные» написано в кавычках не случайно. Дело в том, что понятие свободы вообще не может быть применено к древневосточным обществам. Сельские соседские общины, служилый люд, военная и чиновничья аристократия и даже служители култов – все были «рабами» верховного царя, деспота. *Восточный мир состоял из обществ «поголовного рабства»*. И только в этом смысле можно говорить о том, что древневосточная экономика зиждилась на рабском труде.

А были ли на Востоке рабы в собственном смысле того слова? Естественно, были. Но рабы находились вне каст и сословий, они выполняли самую грязную и тяжелую работу, которую не полагалось делать членам кастового населения. Их удел – уборка мусора и нечистот, убой скота, работа с трупами, в лучшем случае – тяжелая работа на каменоломнях. Они же – палачи, знахари, актеры. Рабы в собственном смысле этого слова, как правило, приобретались на невольничьем рынке или захватывались в виде военной добычи. Рабы – это иноплеменники, инородцы. Конечно, на Востоке существовало и долговое рабство соплеменников. Но социальное положение раба-должника несравненно более благоприятное, ведь это «свой» раб, который отработает свой долг и снова станет свободным. Раб-соплеменник порой – неполноправный «член семьи», живущий в доме кредитора и свободно общающийся со своим хозяином, членом того же сословия или касты. Иноплеменник же – вечный раб, невольник из поколения в поколение.

В восточных обществах рабы не имели существенного производственного значения. Главными производителями материальных благ, прежде всего, сельскохозяйственной продукции, основной рабочей силой в строительстве были огосударствленные соседские общины. В этом главная особенность восточной экономики и основная причина консерватизма восточных обществ.

Особенности восточной экономики порождали и своеобразную форму финансово-экономических взаимоотношений между собственниками базовых средств производства (земли и воды) и их пользователями. Напомним, что на Востоке государство и собственник земли – это один и тот же институциональный субъект и просто одно и то же физическое лицо. И все выплаты, который осуществляет землепользователь, будь это общинник или аристократ, сосредоточиваются в царской казне. В этих условиях невозможно отделить ренту (плату за землю) от налога (принудительных изъятий в пользу государства у его подданных). И чтобы не было никаких сомнений в том, кто является получателем доходов, в историко-экономической науке закре-

пилось особое определение доходов древневосточной казны: *рента-налог*. В данном случае безразлично поступает ли царю доход в виде денежных выплат, продуктов или труда.

Подведем итоги.

- *Экономика древних восточных цивилизаций основывалась на гипертрофии государственной собственности и государственного хозяйствования.*
- *Частная собственность существовала, но только в виде «дочерней» по отношению к государственной собственности и в тесной взаимосвязи с ней.*
- *Общественные отношения в древневосточных цивилизациях формировались на базе сословно-кастового (а не классового) строя и системы «поголовного рабства».*
- *Собственно рабский труд не имел большого производственного значения, основными непосредственными производителями материальных благ были члены сельских соседских общин.*
- *Поскольку собственником базовых средств производства, земли и воды, было государство, олицетворением которого становился восточный деспот, постольку все поземельные отношения строились на базе выплат и, соответственно, мобилизации в царской казне недифференцированной ренты-налога.*
- *В древневосточных деспотиях формировалась патерналистская система мобилизационно-раздаточной экономики.*
- *Итоговое содержательное определение социально-экономической жизни восточных обществ: это система огосударственных общин.*

В истории ничего не пропадает. Базовые традиционные отношения сохраняются генетически и передаются из поколения в поколение. Внимательный читатель, поняв суть восточной социально-экономической системы, невольно начнет искать аналогии и реминисценции с недавним прошлым России, с периодом безусловного господства государственной собственности. И хотя в советские времена многим гражданам России казалось, что мы живем в лучшем из миров, на самом деле в стране господствовали отношения, которые иначе как атавистическими и не назовешь.

Рифат Гусейнов,
доктор экономических наук.